

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Крапивкиной Ольги Александровны
«Теоретическое моделирование судебных дискурсивных практик»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

г. Новосибирск

29.08.2019г.

Экземпляр № 1

Актуальность диссертационного исследования заключается в том, что судебный дискурс моделируется через дискурсивные практики и взаимодействия в рамках судебного разбирательства. Судебной речи присущи изначальная перформативность, логичность и ориентированность на адресата.

На основании выполненных соискателем исследований:

– разработана новая методика, позволившая выявить качественно новые закономерности конструирования судебного дискурса, а также модель анализа жанров судебной коммуникации, в формате которых осуществляется дискурсивное конструирование и дискурсивные взаимодействия участников судебной коммуникации;

– доказана ведущая роль судебных дискурсивных практик в пространстве права;

– введены новые понятия применительно к судебному дискурсу с опорой на теорию эволюции дискурсивных взаимодействий А.М. Каплуненко. Были выделены три модели дискурсивного взаимодействия участников судебного разбирательства (Дискурс Различий, Дискурс Согласования и Дискурс Экспертного Сообщества).

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом соискателя в развитие ряда научных положений. Дискурсивные практики предстают как среда конструирования миров. Сам характер судебного разбирательства определяется через конструирование дискурсивной

практики разбирательства. В теоретических положениях обосновываются роли дискурсивных практик, высказываний, фокусирования и дефокусирования, аргументации и манипуляции.

Термин «дискурсивная практика» впервые получил развитие в работе М. Фуко «Археология знания». Автор углубляет понятие дискурсивной практики и выделяет три типа юридических дискурсивных практик: регулятивные, судебные и метадискурсивные. К первым относятся законы и договоры, ко вторым – дискурсивные практики, направленные на разрешение правовых конфликтов, и к третьим – комментарии к законам.

Диссертационное исследование нацелено на выявление этнокультурной специфики в рамках российского и англоязычного дискурса. Учет этнокультурной специфики является одним из условий достижения желаемого коммуникативного эффекта. Жанровые конвенции ограничивают возможности дискурсивного конструирования. В то же самое время соискатель не учитывает должную коммуникативную природу юридического высказывания в рамках судебного разбирательства. Крупные контенты информации опираются на речевые практики, не требующие доказательства своей истинности. Речевые практики покоятся на платформе, которая не может быть подвергнута логическому опровержению. А все из-за того, что высказывание в зале суда ориентировано на перформативность как таковую.

Такой характеристики юридического дискурса, на наш взгляд, не хватает в работе, в частности, при характеристике жанров. Хотя автор работы справедливо считает, что юридические жанры – «это коммуникативные явления, представляющие собой структурированные и институционально закрепленные форматы общения».

Например, автор диссертации рассматривает жанр «вступительного заявления». Здесь автор приводит ряд высказываний перформативной природы. «Диспозиция части второй статьи 5 Уголовного кодекса РФ предусматривает несколько обязательных квалифицирующих признаков, отсутствие которых не допускает инкриминирования обвиняемому

вышеуказанного состава преступления». Вот такие высказывания и не поддаются логическому опровержению с позиции истинности и ложности, а регулируются совсем другой шкалой «успешный» – «неуспешный». Речь идет о конструировании «возможного мира», который далее не поддается логическому опровержению. Но наше замечание – это лишь попытка показать наш интерес к содержанию работы, которая, безусловно, носит инновационный характер.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

- разработаны и внедрены новые универсальные методики конструирования дискурсивных практик;

- определены жанры, интегрирующие содержание и форму дискурсивных практик;

- выделены четыре обязательных жанра для судебной коммуникации в целом, и три жанра, присущих судебному разбирательству с участием присяжных: «вступительное заявление», «судебный допрос», «судебная речь», «напутственное слово присяжным заседателям», «совещание присяжных заседателей» и «приговор суда».

- создана модель эффективного применения знания конструирования дискурсивных практик

- представлены методические рекомендации к анализу российского и англосаксонского дискурсов.

«Несмотря на выявленные особенности русскоязычных и англоязычных жанров, принципиальные различия между ними отсутствуют» (дисс. с. 164).

Оценка достоверности результатов исследования выявила:

- показана воспроизводимость результатов в различных условиях эволюционной триады «концепт-понятие-термин»;

- теория согласуется с экспериментальными данными семиотики права. Ср. «Дискурсивные практики репрезентируют социальные явления

(культуры, общества, права, искусства и т.п.) и представляют живую, поддающуюся изменениям знаковую систему... (дис. с.180). К сожалению, в работе не представлены фундаментальные работы по судебной семиотике (forensic semiotics), принадлежащие перу Марселя Данези, а также нет ссылок на журнальные статьи Semiotics of law.

Однако автор творчески преобразует подход А.М. Каплуненко к теории эволюционного развития дискурсивных практик, которые проходят три этапа в своем становлении: Дискурс различий (ДР), Дискурс Согласования (ДС) и Дискурс Экспертного сообщества (ДЭС).

Автор диссертации справедливо различает эволюционные параметры речевой деятельности. В контексте судебного заседания Дискурс различий – естественная форма взаимодействия коллегии присяжных заседателей в силу отсутствия профессиональных навыков судебной коммуникации. Выводы присяжных основаны на эмоциональных переживаниях контекстных ситуаций.

Дискурс согласования строится на асимметричной практике взаимодействия профессиональных и непрофессиональных участников судебного разбирательства. Участниками коммуникации являются носитель экспертного знания (юрист) и носитель обыденного знания (присяжные). В Дискурсе Согласования, который формирует адвокат, они имеют совместный контекст интерпретации.

Дискурс Экспертного сообщества – форма дискурсивного взаимодействия профессиональных участников судебного разбирательства. Терминология, а также специальная лексика и язык создают закрытую систему, недоступную к интерпретации непрофессионалами.

Автор диссертации полагает, что Дискурс Различий опирается на феноменологический опыт коммуникантов, в основе Дискурса Согласования лежит необходимость взаимодействия с третьим лицом. Дискурс Экспертного Сообщества восходит к признанию экспертного знания как категории, регламентирующей дискурс агентов юридического поля. С точки

зрения семиотики, автор выделяет эволюционные формы дискурсивного взаимодействия, которые накладываются на семиотическую цепочку «концепт-понятие-термин».

Нам понравился в этом смысле этюд о происхождении имени *race*. Однако в нарративе диссертанта встречаются тяжеловесные перегруженные формулы типа «симулякризованный знак». (дисс. с. 197). Нам кажется, что вполне возможно остановиться на термине симулякр. Что касается термина *race*, то признание за ним сложной структуры дискурсивной практики выглядит убедительным. Еще в сороковые годы двадцатого столетия *race recordings* обозначали песни черных музыкантов. В этом смысле справедлива отсылка диссертанта к термину *ancestry*, который обозначает выходцев из той или иной страны:

“However, the federal government and its military leaders decided that no one of Japanese ancestry could live on the west coast of the United States? While people of Italian and German ancestry could remain” (Civil Rights).

Изложение дискурсов различия, согласования и экспертного сообщества выглядит очень убедительно, поскольку позволяет моделировать дискурсивные практики судебной коммуникации. Вообще, это одно из логически сильных мест диссертационного исследования. Сама триада рассматривается диссертантом как универсальная. Так, автор пишет: «Эмпирическое разнообразие разрозненных ситуаций, в которых взаимодействуют профессиональные и непрофессиональные участники судебного разбирательства, теоретически сводимо к конфигурациям, заложенным в универсальной триаде Дискурс Различий-Дискурс Согласования-Дискурс Экспертного сообщества» (дисс. с.231). Хотелось бы спросить, а в каких еще областях, помимо судебной коммуникации, можно применять для анализа указанную триаду?

В заключении автор диссертации анализирует судебные дискурсивные практики обвинения и защиты. Здесь представлено много греческих терминов, но записанных латиницей без ударений (см. дисс. с.

233). Это в какой-то степени принижает достоверность полученных результатов.

В целом, в основе моделирования судебной коммуникации справедливо ставится агональность. Примером агонального взаимодействия является следующий фрагмент:

«Адвокат: Все подписи разными чернилами выполнены. Полагаю, их выполнили в разное время.

Прокурор: В законе не написано, какой ручкой расписывается участник следственного действия. Ваши догадки беспочвенны.

Адвокат: Да, закон об этом ничего не говорит, но в законе есть четкое правило оформления документа. Эти нарушения вызывают сомнения не в подлинности данного документа, а в его достоверности» (дисс.с. 237).

Агональность отмеченного процесса заключается в ссылке прокурора на авторитетность закона (*argumentum ad verecundiam*). Однако, как справедливо отмечает диссертант, адвокат пытается вовлечь прокурора в конфликт, организуя дискурс вокруг концептов ПОДЛИННОСТЬ и ДОСТОВЕРНОСТЬ.

Автор диссертации освоил термины римского права и риторики. Речь идет о тонких вопросах рецепции римского права европейским правосудием. Так, в вышеприведенном примере адвокат пользуется привилегией *favor defensionis*.

Помимо агональности автор диссертации выделяет другую черту – дуалистичность. Дуалистичная природа судебных дискурсивных практик обвинения и защиты связана с конструированием определенных интенциональных состояний. Автор приводит методы создания дуалистичных миров: *“The defendant had shaken the baby, shaken him violently for about a minute. The shaking lasted for about minute”*. Вторая конструкция снимает с субъекта ответственность за совершенное деяние. Фокус внимания смещён с субъекта и объекта на само действие.

Итак, оценка достоверности результатов исследования выявила:

– теория построена на известных, проверяемых данных многочисленных стенограмм судебной документации.

– идея базируется на анализе практики и обобщения фрагментов художественных произведений. Обращение к недокументальному дискурсу обусловлено общепринятыми средствами доступа к стенограммам заседаний с учетом тайны совещательной комнаты.

– использованы сравнения авторских данных и данных, полученных ранее по рассматриваемой тематике

– установлено качественное и количественное совпадение авторских результатов с результатами, представленными в других исследованиях по юрислингвистике и семиотике права.

Личный вклад соискателя состоит в том, что интерпретация стенограмм судебной коммуникации выполнена на базе оригинальной авторской концепции и представляет собой целостный и логически выверенный нарратив. Заслуживает особого внимания наличие авторских публикаций по теме, которые регистрируются в базах Web of Science и Scopus.

Положения, выносимые на защиту, находят обоснование в работе. Так, речедейательностное пространство является средой дискурсивного конструирования реальности. Во многом данное положение отвечает за конструирование правовой реальности в дискурсивных судебных практиках. Далее автор останавливается на жанрах судебной коммуникации. Кроме того, рассматривается диалогичность ДР, ДС и ДЭС. И, наконец, обосновываются основные черты дискурса судебной коммуникации: агональность, дуалистичность, нарративность, аргументированность, манипулятивность. Одной из ведущих стратегий судебного дискурса является нарративность. Нарративность имеет определенные параметры и описывается с помощью определенных элементов. В основе признака аргументированности лежат логические характеристики дискурса, реализующие открытое воздействие адресанта на оценки адресата. Автор выявляет те факторы, которые влияют

на манипулятивность дискурса. Как пишет соискатель, «чем больше деталей, тем правдоподобнее история» (автореф. с. 37). Широкие возможности для реализации манипулятивности предоставляет лексический уровень языка. В работе имеются контексты с числительными и местоимениями.

Все указанные положения соответствуют характеру обозначенной специальности, и нашли должное отражение в работе.

В заключении хотелось бы высказать ряд дополнительных замечаний и задать вопросы:

1. Как связана семиотическая триада семантика, синтактика, прагматика с описанными параметрами ДР, ДС и ДЭС?

2. Почему именно профессионализм берется за основу различия дискурсивных практик?

3. Как термины концепт-понятие-термин взаимодействуют в поле общественного сознания, если они являются разноуровневыми?

Результаты исследования прошли необходимую апробацию. Публикации по теме диссертации раскрывают положения, выносимые на защиту. Автореферат диссертации отражает ее содержание.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Теоретическое моделирование судебных дискурсивных практик» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющее существенное значение для филологии, и соответствует требованиям, изложенным в пункте 9 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней». Автор диссертации, Крапивкина Ольга Александровна, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Профессор кафедры межкультурной коммуникации
Гуманитарного института Новосибирского национального
исследовательского государственного университета,
доктор филологических наук

С.Г. Проскурин

Вход. № 981 от « 3 » сентября 20 19 г.

Ученый секретарь _____ С.Г. Проскурин /А.В. Проскурина/

«С отзывом ознакомлен(а)» « _____ » _____ 20 _____ г.

Соискатель _____ / _____ /